

повести и пять рассказов — своеобразная ржевская хроника. Первая книга...

...Да, я поздно пришел в литературу. Почему? На этот вопрос ответ не совсем простой. Он связан с другим вопросом — о месте писателя в жизни. Конечно, можно отнестись к писательству как к определенной профессии: один варит сталь, другой что-то проектирует, а ты вот пишешь... Но думается, что сочинительство — не только профессия, но только призвание...

Как это было

Как совпало

Война, беда,

мечта и юность

И это все в меня запахло

И лишь потом

во мне очнулось...

Д. САМОИЛОВ

ЗА СТРОКОЙ КНИГИ

КАК ЭТО БЫЛО...

Вячеслав
КОНДРАТЬЕВ:

...Каждая ночь возвращала его в 42-й, подо Ржев, к ребятам его взвода. Привалившись к стволам заснеженных елей, они свертывали самокрутки и, затаившись махрой, с горькой надеждой глядели — успеть бы выкурить по сигаретке! — на горящее вдаль небо во всей его красе и жути. А может, повезет, и не пожалуют «хейнкели» вслед этому висающему над ближним полем «костылю», и не будет бомбежки? Но бомбы летели, летели на них, и сознание пронзало: эта — моя... Он просыпался с неодолимым желанием разыскать кого-нибудь из однополчан, свидеться, поговорить. Никто не находился, а ржевские фронтовые ночи все упорнее вторгались в его московские мирные дни. Почти двадцать лет минуло с той кровавой поры, он — художник, рисует плакаты, но с памятью не совладать, и Кондратьев берет за «ржевскую» тетрадь. Однако потребовалось еще почти двадцать лет, чтобы он вышел к читателям со своей прозой, с образом Сашки.

— Вячеслав Леонидович, когда два года назад мы беседовали о вашей «исповедальной» военной прозе, вы были автором «Сашки» и двух-трех рассказов, напечатанных в периодике и сразу вызвавших и писательский, и широкий читательский интерес. И, собственно, та беседа была «беседой с письмом в руках», которое редакция получила от одного из ветеранов войны. Только что в «Советском писателе» увидела свет ваша книга, под обложкой которой собраны четыре

ние, а и большая обязанность, гражданская обязанность, как учила этому еще русская литература прошлого века. С таким отношением к писательскому труду, чтобы решиться на него, даже если имеешь определенные способности, надо обладать, видимо, какой-то силой души. Выдюжишь ли, не пойдешь ли по проторенному, по легкому пути, по каким-нибудь кривым дорогам? Что я подразумеваю под этим — «сила души»? Тут, наверное, и твердое мировоззрение, убежденность в том, что и как должен писать, и мужество в отстаивании своего права писать именно так, а не эдак, и принципиальность... Без этого, по моему, не обрета этого, нельзя идти в литературу, если идешь туда, конечно, с серьезными, как говорится, намерениями, не за куском хлеба с маслом, идешь как на великий труд и с ясным пониманием значения этого труда не только для

шлифованной беллетристикой? Эти мысли неотступно мучили меня, и я мучился над материалом. После того как съездил подо Ржев, увидел места, где полегли навеки мои товарищи, спасая от врага эту многострадальную землю, где сам кровь проливал, — с той ржевской поездкой, что потом ни напишу, все казалось не так, и я перечеркивал написанное. Трудно добирался к своему «Сашке». И, честно говоря, не предполагал, что после «Сашки» навалится на меня другие образы, другие сюжеты и я буду так интенсивно работать. Кстати, эта поездка нашла спустя годы отражение в рассказе «День Победы в Чернове».

— Как началась и как закончилась ваша война, которая вот уже четыре десятилетия не отпускает вас от себя?

— Мой первый день войны описан в повести «Сашка». Это действительно было так. Дальневосточный полк, июнь, 7 часов вечера, танцплощадка, музыка. У нас чемоданное настроение, потому что мы без пяти минут лейтенанты запаса, к началу занятий должны демобилизоваться. И тут включается динамик... речь Молотова. Сразу: «Тревога! По подразделениям!». На другой день пришел к нам командир полка: «Слово «запас» забудьте. Вы станете кадровыми командирами». И продолжается учеба.

А потом, в январе, эшелонная дорога. На станции Селижарово — высадка. Ночной трехсуточный марш, бомбежки, обстрелы и первый бой. Первый бой... Это прежде всего его ожидание, какое-то странное противоречие между тем необыкновенным, что предстоит завтра, и обыденностью обстановки сегодня, простыми словами команды: «На кухню — по одному!», «Костров не разжигать!». Комиссары собирают тех, кто хочет подать заявление в партию. Вроде все это такое мирное, а впереди то, о чем ты не имеешь представления, но к чему готовился все эти годы в кадровой армии.

И вот это завтра наступает. Передовая. Перед нами огромное белое поле. Впереди чернеют крыши трех деревенек —

Усово, Овсянниково, Паново. Чернеют подбитые танки, и по всему полю лежат те, кто не уйдет отсюда уже никогда. Понимаешь, что у тебя нет ни единого шанса перед ними, ни единого. И тебя охватывает какой-то страх — не только смерти, а того, что вдруг ты не сможешь себя преодолеть, вдруг струсил, а оказаться трусом было страшнее, чем погибнуть. И тут ты собираешь всего себя, все свои душевные силы, волю, потому что если говорить о ненависти к врагу,

лате, поэтому-то мы и не могли опознать в нем сразу своего. А о втором эпизоде, повлиявшем на появление рассказа, я узнал, когда побывал в 60-е годы в Чернове, на местах бывших боев, в семье Разумихиных. Они показали мне армейскую газету, в которой сообщалось, что замполит Виктор Разумихин вступил в партию на пепелище родной деревни.

— Писатели военной темы при всей их творческой индивидуальности, своеобразии

то она была пока книжная, газетная, еще не прочувствованная, не дошедшая до глубины сердца, — мы еще не видели сполна, какой ад на земле сотворили фашисты. Любовь к Родине? Да, конечно. Но ведь сейчас только первая серьезная проверка ее.

Команда — «Вперед!». Сразу становятся ватными ноги, и ты не знаешь, как сделаешь первый шаг. Но делаешь его, вначале неуверенно, и удивляешься, что сделал, что не убит. Потом бежишь — и удивляешься, что бежишь, что не убит, не ранен. Падаешь. Опять бежишь. Рвутся мины. Что-то рвется в воздухе. Снег рябой от пуль. Идет бой. Неудачный для нашего подразделения. Прижаты вражеским огнем, пройдя лишь половину громадного поля, мы вынуждены подчиниться команде — «Отход». Страшное чувство: столько убитых, столько раненых, и все зазря — не освободили деревню. И одновременно какой-то проблеск радости: отходим, но живы, будем отвоювывать у врага свою родную землю.

— Этот бой вы описали в повести «Селижаровский тракт»?

— Да. Ну, а конец моей войны был в конце 43-го. Меня тяжело ранило, и почти полгода я лежал в госпитале в Иваново. В Москву вернулся инвалидом войны. В День Победы свалилась какая-то срочная работа, и не смог даже пойти на Красную площадь.

— Ваша ржевская проза основывается на фактах только собственной войны?

— Часто — собственной, хотя, конечно, не всегда, но на подлинных случаях, на конкретных фактах — обязательно. Вот, например, какие фронтовые случаи вызвали к жизни рассказ «На поле овсянниковском». В первый день прихода на передовую на рассвете мы заметили, что среди трупов вдали маячит какая-то странная, непонятно во что одетая фигура — то упадет, то опять поднимется. Никак до нас не могло дойти, что это наш раненый, очнувшийся после вчерашнего наступления. Когда его приволок санинструктор, оказалось — действительно лейтенант в маске

воспринимаются как некая литературная общность. Вы позже других стали писать, оказались в роли новобранца в этом прославленном полку. Как вы ощущаете себя среди признанных художников слова, литературных авторитетов?

— Не считайте за нескромность, но у меня такое ощущение, что каждой своей вещью я заполняю какую-то пустую ячейку. Это ощущение мне очень помогает. А с другой стороны, громадное чувство ответственности за каждое слово, за каждое новое произведение. Потому что о самом главном в судьбе поколения писать надо только правду, иначе это будет безнравственно по отношению к народной памяти, ко всем солдатам Великой Отечественной — живым и мертвым.

Надеялся, конечно, что «Сашка» какой-то отклик в печати получит, но и только. Успеха не ожидал. Разумеется, рад ему, но в состоянии эйфории не нахожусь. Признание обязывает. Уже были слова о других моих произведениях: «Неплохо, но не «Сашка». Да и сам понимаю, что не все увидевшие свет мои вещи художественно равноценны.

Я благодарен критикам — Лебедеву, Корабельникову, Лазареву, Дедкову и другим, которые с доброжелательной требовательностью отзывались о моих первых публикациях. И нашим известным прозаикам — Бакланову, Быкову, Адамовичу,

Астафеву, Воробьеву — их внимание к моей работе существенно сказывается на творческом самочувствии, помогает увидеть просчеты, недостатки, которые, видимо, неизбежны у каждого писателя, но сам их не всегда сразу заметишь.

Мне, конечно, приятно, что мои повести «Сашка» и «Отпуск по ранению» получили воплощение на театральных сценах и в кино...

— Ваши творческие планы снова связаны с военной темой?

— Трудно сказать, буду ли я еще писать о войне. Война так много оставила в наших судьбах, что и в мирное время она с нами, идет следом за нами, оставшимися в живых. Сейчас закончил повесть «Встречи на Сретенке» — о первых послевоенных месяцах 45-го года, когда демобилизовывались пока только раненые или инвалиды. В центре ее — Володька-лейтенант, знакомый по повести «Отпуск по ранению». Война закончилась, и вот какая-то первая растерянность перед мирным днем, перед новой, другой жизнью. Хочу довести судьбы своих героев до 50-х годов. Видимо, напишу еще две повести, и, может, получится что-то вроде романа в трех повестях, а если считать «Отпуск по ранению», то в четырех.

Возможно, будут у меня рассказы о детстве, причем о детстве деревенском. Отец мой, инженер-мостовик, всегда был на стройках. В 29-м

сооружал мост под Каширой, в 30-м — в Калининской области. Я каждое лето, в зимние и весенние каникулы ездил к нему в деревню и хорошо помню эти годы коллективизации. Воспоминания детства подкреплены, кроме того, впечатлениями отца, который написал записки о своей жизни, и в них есть очень много интересных страниц, например, о похоронах Короленко. Отец тогда работал под Полтавой, и я там родился.

Ну, а в дальних планах, видимо, все-таки снова война. Есть потребность и даже, я бы сказал, обязанность написать о женщине на войне, рассказать о лихой доле наших связисток, медсестер, санинструкторов. В моей почте — много писем от бывших фронтовиков. Они — в основном отклик на радиопередачу по рассказу «Привет с фронта», но содержат в себе волнующие, трогательные и часто трагичные исповеди.

А буквально на днях меня толкнуло вдруг на еще один военный рассказ. В прошлой беседе я говорил вам о своем армейском друге Илье Лапшине, литинститутове, поэте, с которым меня связала дальневосточная служба. Он погиб в 43-м. Это одна из самых моих тяжелых военных потерь. Не раз приходил к мысли: был бы он жив, и я бы, верно, вошел в литературу раньше. Именно он, может быть, подтолкнул меня к тому, что я начал писать. Это я не сейчас придумал, это сидело где-то в сознании и исподволь сверлило меня — он уже ничего не напишет, а я живу и должен рассказать, как все было...

Беседу вел
Ирина РИШИНА